

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ИНТЕРЕСОВ СЛУЖБЫ: СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ

В статье рассмотрен современный российский комплекс преступлений против интересов службы. Определяется содержание преступлений против интересов службы и их классификация для более эффективного подхода в вопросах применения уголовно-правового законодательства.

Ключевые слова: преступления против интересов службы, служебные лица, классификация преступлений против интересов службы.

Общественные отношения существуют всегда, независимо от их криминализации или декриминализации. Однако, принципиальное изменение характера общественных отношений, ранее находившихся под охраной уголовного закона, например в нашей стране, превратило общественно опасные деяния в общественно полезные. Такие действия как спекуляция, частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество, преследовавшиеся по УК РСФСР, в начале 90-х гг. XX в. были официально провозглашены и признаны двигателем общественного прогресса в России. В.В. Лунеев, указывая на изменения структуры преступности, как российского, так и мирового масштабов, отмечает: «...сами действия (бездействия) при сохранении соответствующих потребностей не исчезают и не искореняются, а меняется лишь их правовая и квалификационная оценка. И если общество к каким-то ранее порицаемым формам поведения привыкло, или они стали исключительно массовыми, и оно готово их терпеть, они переводятся в административные правонарушения, дисциплинарные проступки, моральные девиации и даже в авангардистскую форму правомерного поведения» [1, с. 48]. Уголовное право помимо карательных выполняет и превентивные функции. Вот почему, учитывая иерархию ценностей, охраняемых уголовным правом, люди (общество) выстраивают свои отношения с «оглядкой» на уголовное право, стараясь не входить в рамки запрета.

В связи с бурным развитием рыночных отношений в конце XX века уголовное право не успевало отреагировать на процессы приватизации государственных предприятий, создания новых коммерческих и некоммерческих структур на базе различных форм собственности, а прежний УК в определении должностного лица указывал, что им является лицо, занимающее в лю-

бом государственным или общественном предприятии, учреждении, организации должность, связанную с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей. Практика правоохранительных органов и судебная практика, в частности, «не замечала» существующего противоречия между законодательством и новыми социально-экономическими отношениями. Были попытки привлечения к уголовной ответственности за должностные преступления руководителей производственных кооперативов, лиц, исполнявших организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в других хозяйствующих субъектах.

Одним из главных направлений повышения эффективности борьбы с экономической преступностью продолжает оставаться дальнейшее развитие правовой базы. Новый УК РФ во многом восполнил имевшиеся в уголовном законодательстве пробелы, которые всё острее давали о себе знать по мере углубления экономической реформы, развития рыночных отношений и становления нового класса занимающихся законным бизнесом граждан. Новый подход к уголовно-правовому регулированию сферы предпринимательства позволил сформулировать около трёх десятков новых составов экономических преступлений. Конституция Российской Федерации (ст.8 п.2) признаёт и защищает равным образом частную, государственную, муниципальную и иные формы собственности.

Помимо существующих проблем по поводу определения объекта, субъекта данного вида преступлений, в доктрине уголовного права с самого начала возникновения указанных преступлений в УК РФ ведутся оживленные дискуссии о природе и месте данных видов преступлений в системе Особенной части УК, в частности, их соотношении с преступлениями против

государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления и др.

С одной стороны, необходимо было криминализировать деяния управленцев в различных организациях, и, в первую очередь, в коммерческих, тем самым подчеркнуть отличие деятельности этих лиц от деятельности публичных должностных лиц, состоящих на государственной службе и в органах местного самоуправления. С другой стороны, в содержании деятельности, при выполнении определенных функций управления у обеих категорий лиц, состоящих на службе, много общего.

В отличие от УК РФ, в котором ответственность за преступления против интересов службы в зависимости от ее вида (частной или публичной), предусматривается в рамках различных глав, Уголовное законодательство ряда государств (в первую очередь страны СНГ и бывших республик СССР, не входящих в Содружество) пошло по пути установления единой уголовной ответственности за преступления против интересов службы в государственных органах и органах местного самоуправления и за преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях, объединив их в законе в рамках одной главы. Противоположный подход, то есть с разделением субъектов и ответственности, закреплен в УК РФ.

УК республики Узбекистан, принятый 22 сентября 1994 года, определяет, что должностным является лицо, наделенное организационно – распорядительными или административно – хозяйственными полномочиями и не обладающее признаками ответственного должностного лица. К ответственным должностным лицам относятся – 1) представители власти; 2) лица, постоянно или временно, по выбору или по назначению занимающие на государственных предприятиях, в учреждениях или организациях должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей и уполномоченные на совершение юридически значимых действий; 3) руководители предприятий, учреждений или организаций иных форм собственности, представители общественности, наделенные в установленном порядке властными полномочиями по государственному управлению; 4) лица, занимающие должности, связанные с выполнением указанных в пункте втором обязанностей, в органах самоуправления

граждан [2, с. 308, 311]. Как мы видим, вышеприведенные определения УК Республики Узбекистан являются объединяющими и не делающими каких-то особенностей для лиц, занимающих должности в органах государственной власти и в коммерческих и иных организациях.

В новом УК Украины, вступившим в силу с 1 сентября 2001 года, должностное лицо определяется как лицо, постоянно или временно осуществляющее функции представителя власти, а также занимающее постоянно либо временно на предприятиях, в учреждениях или организациях независимо от формы собственности должности, связанные с исполнением организационно-распорядительных или административно – хозяйственных обязанностей, или выполняющее такие обязанности по специальному полномочию [3, с. 318]. В современной редакции УК Эстонской Республики (ст. 160) гласит, что должностными являются лица, занимающие должности в учреждениях, на предприятиях и в организациях, основывающихся на любой форме собственности, если на них возложены государством или собственником управленческие, надзорные, распорядительные, оперативные или организационные обязанности по упорядочению движения материальных ценностей или функции представителя власти [4, с. 166]. В УК Республики Беларусь 1999 года в ст.4 «Разъяснение отдельных терминов Уголовного кодекса» под должностными лицами понимаются также и лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие в учреждениях, организациях или на предприятиях (независимо от форм собственности), должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, либо лица, уполномоченные в установленном порядке на совершение юридически значимых действий [5, с. 45-46]. Таким образом, точка зрения авторов, предложивших объединить в понятие должностное лицо лиц, работающих как на государственной или в рамках иной публичной службы, так и лиц, состоящих на частной службе, нашла широкую поддержку у ряда законодателей республик СНГ, бывших республик СССР, и воплотилась в жизнь в новых законодательных актах по уголовному праву.

Тем не менее, ряд российских ученых как при подготовке и принятии УК РФ, отстаивали точку зрения о нецелесообразности определений субъектов преступлений против интересов службы в границах одного понятия долж-

ностного лица – понятия, носящего универсальный характер [6, с. 76]. «Поскольку общественная опасность преступлений, совершаемых государственными и муниципальными должностными лицами, с одной стороны, и должностными лицами государственных и негосударственных предприятий, учреждений, организаций – с другой, неодинакова, необходима дифференциация их ответственности» [7, с. 5]. Эту позицию поддержали Р.Ф. Асанов и С.В. Изосимов, которые отмечают: «По своей социальной сущности и юридическим последствиям действия лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях, значительно отличаются от аналогичных действий должностных лиц государственного аппарата. Последние, злоупотребляя предоставленными им публичной властью полномочиями, посягают на интересы службы, нарушают нормальную деятельность государственных аппаратов законодательной, исполнительной и судебной власти, а также аппарата органов местного самоуправления, подрывают их авторитет, что в итоге приводит к ослаблению государственной власти. Это, соответственно, определяет особый правоохраняемый объект и необходимость выделения преступных деяний таких лиц в самостоятельную главу уголовного кодекса... Ничего подобного не происходит при злоупотреблении со стороны служащих коммерческих структур и общественных организаций, которые наделены определенными управленческими функциями собственником или гражданами, объединившимися в общественную организацию» [8, с. 29-30].

Своеобразный довод против объединения в единого субъекта должностных лиц и служебных лиц коммерческих и иных структур приводит П. С. Яни: «Некоторые полагают, что у статей этой главы Особенной части УК РФ есть немало схожего со статьями главы 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления». Однако схожесть эта выражается главным образом в описаниях лишь некоторых составов преступлений. В то же время главным отличием является то, что глава 30 рассчитана на субъектов коррупционных преступлений, то есть государственных и муниципальных служащих (за исключением работников предприятий). Тогда как анализируемая в настоящем разделе глава 23 имеет в виду обладающих определенными власт-

ными полномочиями (в пределах своей организации) работников организаций, не относящихся к органам государственного и муниципального управления (местного самоуправления)» [9, с. 99-100].

Некоторые ученые предлагают упразднить гл.23 УК РФ за ненадобностью. Они считают вполне достаточным возродить старую (дореволюционную) доктрину имущественных преступлений, в которой был такой состав, как злоупотребление доверием. И этим составом поглотить ныне существующее злоупотребление полномочиями (ст.201 УК). Ликвидация гл.23 УК РФ должна распространяться на лиц, наделенных особыми полномочиями в общественных интересах, понятия должностного лица (это не относится к управленцам в ординарных «коммерческих и иных организациях», которые за совершенные злоупотребления должны нести ответственность в рамках имущественного злоупотребления доверием), а состав коммерческого взяточничества, отказавшись от чрезмерно либерального порядка преследования этого преступления, превратить в формальный и перенести в главу 22 УК РФ [10, с. 84].

Ряд ученых предлагает исключить трактовку понимания этих преступлений как нарушение «обязательства верной службы» предпринимателю или общественной организации. Они полагают, что степень общественной опасности этих преступлений несравненно выше. Непосредственным объектом их выступают собственность, конституционные права и свободы человека, отношения в сфере экономики. В ныне существующей системе преступлений эти отношения отодвинулись на второй план, составляя лишь дополнительный объект преступлений гл.23 УК, уступив свое место менее значимым, имеющим второстепенное для публичного интереса государства общественным отношениям, содержанием которых является правильное функционирование службы в коммерческих и иных организациях. При нарушении интересов такой службы прибегать к мерам уголовного воздействия вовсе не обязательно. Эти общественные отношения вполне могут быть защищены нормами частного права, то есть в гражданско-правовом порядке [11, с. 285-286; 12, с. 15-16].

Точка зрения ряда авторов сводится к предложению объединить главы 23 и 30 УК в единый раздел: «Преступления против интересов службы», так как нет оснований для отнесения этих составов преступлений в разные главы [13,

с. 7, 15]. Данную точку зрения следует поддерживать. Деяния схожи не только по построению их составов в юридико-техническом плане, но и в первую очередь по природе их разрушающего воздействия на однотипные объекты охраны уголовного права.

Авторы, усматривающие единство этих преступлений в коррупции, тем самым предлагают только одно из направлений этой общности преступлений [14, с. 503; 15 с.9]. На наш взгляд, видеть единство этих групп преступлений только в этом было бы неполной их оценкой.

Общим для данных преступлений является то, что виновные входят в круг управленцев, обладают полномочиями в рамках определенной иерархии управленческой деятельности в обществе государства [16, с. 208].

Служба в государственных органах власти, коммерческих и иных организациях дает возможность достигнуть определенных целей, которые ставят перед собой преступники. Достижение лицом любыми средствами, как правомерными так и неправомерными, определенного статуса в организации позволяет совершить преступное воздействие на объекты, которые находятся под охраной уголовного права. Это, если можно так выразиться, мини-модель состояния аномии, которую рассматривал в рамках всего общества Р. Мертон. Одна из главных идей Мертона заключалась в том, что основной причиной преступности является противоречие между ценностями, на достижение которых нацеливает общество, и возможностями их достижения по установленным обществом правилам. Это противоречие приводит к тому, что человек, не сумевший получить эти ценности по всем правилам, начинает отрицать правила и стремится иметь их любой ценой [17, с. 167]. Р. Мертон развил идею Э. Дюркгейма о дезорганизации в обществе. «Общественное мнение не в силах своим авторитетом сдерживать индивидуальных аппетитов; эти последние не знают более такой границы, перед которой они вынуждены были бы остановиться... Общее состояние дезорганизации, или аномии, усугубляется тем фактом, что страсти менее всего согласны подчиниться дисциплине именно в тот момент, когда это всего нужнее» [18, с. 335-336]. Например, в литературе к экономическим факторам коррупции относится выраженное имущественное неравенство, которое делает рост коррупции более вероятным, к политическим – существование объективной связи между стрем-

лением к власти и получением преимуществ от обладания ею и т.д. [15, с. 24-25].

Законодатель указывает, что преступления против интересов службы совершаются не только одними служебными лицами. В некоторых из определений преступлений против интересов службы, как мы увидим ниже, и указывается на выполнение преступных действий самими должностными лицами либо лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческих или иных организациях. Полемика среди ученых вокруг данной проблемы известна из истории. В процессе подготовки проекта Уголовного Уложения 1903г. у Редакционного комитета уголовного отделения Санкт-Петербургского юридического общества и Редакционной комиссии существовали различные позиции по характеру должностных (служебных) преступных деяний. Редакционная комиссия указала две посылки на нарушение закона о службе: а) основной закон об управлении подчиненными может быть нарушен безразлично кем, как органом власти, так и частным лицом; б) как орган власти, так и частные лица могут его нарушить двумя способами, причем одинаковыми: или через присвоение непринадлежащих им полномочий, или через участие в сей деятельности государства с нарушением установленного для нее образа действия и вообще, не на основании и не сообразно закону об управлении подчиненными. Вывод: единство предмета, способа, цели и последствий посягательства со стороны частных лиц и органов власти делает и само посягательство самостоятельным преступлением против государственного управления. Безразлично, будет ли оно учинено частными лицами или органами власти. Не соглашаясь с указанной позицией Редакционный комитет отмечал, что понятие службы неразрывно связано с понятием служащего. Как уполномочие на деятельность известного рода, служба необходимо предполагает лицо, снабженное полномочиями на эту деятельность. Для лица, неуполномоченного на деятельность в порядке государственного управления, нет государственной службы, и употребить во зло полномочия, которыми оно не снабжено, такое лицо, очевидно, не может. Оно может их захватить самовольно; но таковой захват отнюдь не будет злоупотреблением службою, ибо нет основного признака, характеризующего служебное или должностное преступное деяние, – нет лица, уполномоченного на деятельность в порядке государственного управления [19, с. 51-52]¹. На наш взгляд,

современный российский закон, как и Редакционная комиссия Уголовного Уложения, выбрал оптимальный вариант признания совершения преступлений против интересов службы другими субъектами, изменив название главы «Должностные преступления» на иное в отрыве от субъектного ракурса этих преступлений более общее – «преступления против интересов службы». Уголовный кодекс показал родственность и однотипность преступлений глав 23 и 30. Остановка сделана на половине пути, надо объединить эти главы в один самостоятельный раздел.

Можно провести градацию преступлений в зависимости от нахождения лица на определенной ступени иерархии и намеревающегося использовать полномочия в преступных интересах. В зависимости от степени приближенности к иерархии, предоставляющей возможности совершить преступные действия по службе, можно разделить все существующие преступления против интересов службы, совершаемые управленческими работниками, на следующие

виды: 1) Преступления, которые совершаются лицами, входящими в служебную иерархию и использующими для достижения преступных намерений полномочия, вытекающие из данной структурной иерархии (злоупотребление полномочиями, халатность); 2) Преступления, которые совершаются лицами, входящими в служебную иерархию, но для достижения своих преступных намерений использующие полномочия, предоставленные другой структурной основой, как правило, более высокого порядка. Данные деяния могут быть классифицированы по субъектному составу на: а) совершаемые лицами, наделенными управленческими полномочиями (например, превышение полномочий); б) совершаемые лицами, не наделенными управленческими полномочиями (например, присвоение полномочий). 3) Преступления, которые совершаются лицами, не входящими в служебную иерархию, но для достижения своих преступных намерений использующие полномочия служебных лиц (например, дача взятки).

16.01.2012

Список литературы:

1. В.В. Лунеев. Преступность в России при переходе от социализма к капитализму // Государство и право. 1998. №5.
2. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. Ташкент, Издательство «Адолат», 1995.
3. Уголовный кодекс Украины. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001.
4. Уголовный кодекс Эстонской республики. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001.
5. Уголовный Кодекс Республики Беларусь. Мн.: Тесей, 2001.
6. Волженкин Б.В. Модельный уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств // Государство и право. 1996, №5.
7. Безверхов А.Г. Должностные (служебные) преступления и проступки: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Казань, 1995.
8. Асанов Р.Ф., Изосимов С.В. Уголовная ответственность за преступления, совершаемые служащими коммерческих и иных организаций. Монография. – Уфа: УЮИ МВД России, 2001.
9. Яни П.С. Экономические и служебные преступления. М.: ЗАО «Бизнес школа «Интел-Синтез», 1997.
10. Клепицкий И.А. Имущественные преступления (сравнительно-правовой аспект) // Законодательство. 2000, № 2.
11. Волженкин Б.В. Служебные преступления. – М.: Юристъ, 2000.
12. Изосимов С.В. Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях (уголовно-правовой анализ): Автореф. дис...канд. юрид. наук. СПб., 1997.
13. Егорова Н.А. Уголовно-правовые формы борьбы с коррупцией в новых экономических условиях: Автореф. дис...канд. юрид. наук. Саратов, 1996.
14. Криминология. Под общей редакцией доктора юридических наук, профессора А.И. Долговой. М.: Издательская группа ИНФРА-М НОРМА, 1997.
15. Максимов С.В. Коррупция. Закон. Ответственность. М. Учебно-консультационный центр «ЮрИнфоР», 2000.
16. Тихомиров Ю.А. Теория компетенции. М.: 2005.
17. Иншаков С.М. Зарубежная криминология. М.: ИНФРА-М – НОРМА, 1997.
18. Дюркгейм Э. Самоубийство (социологический этюд). С-Пб..1912.
19. Замечания Редакционного комитета уголовного отделения С.-Петербургского юридического общества на проект Особой части Уголовного Уложения. Злоупотребления общественной и государственной службою. С.– Петербург, 1893.

Сведения об авторе: **Шаймуллин Рустам Камильевич**, доцент кафедры уголовного права и процесса Оренбургского государственного аграрного университета, кандидат юридических наук 460795, г. Оренбург, ул. Челюскинцев, 18, тел. (3532)774504, e-mail – ShaimullinR@gmail.com

¹ См.: Замечания Редакционного комитета уголовного отделения С.-Петербургского юридического общества на проект Особой части Уголовного Уложения. Злоупотребления общественной и государственной службою. С.– Петербург, 1893. С. 51-52.